

29 июля

В бачок для питьевой воды налили молока, чтоб матросы пили, когда хотят — коровы дают много. Подошел катер со специалистом по локаторам. Матрос с катера хочет напиться воды, открывает кран — молоко. Он в недоумении.

Баня. Горячий пар мешается с холодной водой — душ. Чтоб было жарче — пускают чистый пар и кабина наполняется жаром. Матрос: — Нам, механикам, без этого нельзя. Мазут не отмоешь иначе.

Вечер. Иван Иванович, скотник из совхоза. Пограничник Приморского края доит коров. Пахнет сеном, навозом, спокойные коровьи морды и глаза, и звук струй молока о подойник. А рядом причалы, океанские пароходы. Неподалеку встал на рейде белоснежный «Георгий Орджоникидзе». Возле угольного причала грузится японец — сам голубой и оранжевая труба.

Луньков рассказывал — на мысе Уэллен — памятник Дежневу. Все суда по традиции дают длинный гудок. Чукчи обижаются, если кто не дает гудка.

Чукча с биноклем наблюдает за небом и морем. Увидел уток, свистнул три раза — все выбежали из яранг — бьют из ружей. Убитых уток берет, кому попало. Увидел нерпу — все с обрыва валят к лодкам кувырком. Убили нерпу. Притащили к берегу. Пришла женщина с ребенком. Отец разбил нерпе череп, взял горсть мозга и дает малышу грязными руками. Малыш ест с удовольствием.

Копальхен — мясо складывают в яму и накрывают китовыми усами. Собаки подходят, лезут. Их отгоняют и сами берут мясо, режут у рта и едят, закинув голову.

Утром большая уборка. Когда все высохло, то на поручнях и палубе — мельчайшие кристаллики соли блестят на солнце.

Весь день пробыли в Находке. На берегу были. Прекрасные краски и линия берега — синие плавные линии гор за путаницей кранов, мачт и судов.

21 час — вышли из Находки, 21.20 — в заливе Америка. При выходе из бухты две горы Брат и Сестра, очень похожие друг на друга. Находка светится огнями уже

вдали. Вышли сначала на зеленый створ за кормой, потом — на красный, тоже за кормой.

К японским рыбакам каждые три месяца приходит плавучий бордель. Солдат гарнизонов по островам тоже посещал такой корабль-бордель. У острова Матуа такой корабль был подбит и затонул, и сейчас видны его остатки. На Матуа гарнизон 5 тыс. японцев сдался без боя. Были ангары из земли, без крыш, подземные постройки и прочее.

Капитан обсуждает с поварами меню праздничного обеда — завтра день ВМФ. Сегодня был доклад капитана, все были в праздничной форме, потом часа два крутили фильмы в столовой. Днем было и собрание по июньскому пленуму в офицерской кают-компании. Два японских судна курсируют у Курил, с будто бы научными целями, 35 и 5 тонн.

Ужин — горячее молоко с булочками, колбасой, хлебом. Входит Иван Васильевич: — все, повернули на Провидения!

Луныков вахтенному офицеру: — расходиться не ближе двух миль.

30 июля

Со вчерашнего вечера туман и по прогнозу туман — принес южный ветер. Море серое, у борта, где пена — бирюзовая полоса. За иллюминатором сеет туманная изморось. Это Японское море. Коровы жуют.

После призыва попал во флот. Приехал во Владивосток на катере. Чистил картошку для ужина. Собрал очистки и выбросил за борт. Вода вспыхнула фосфором. Бросил картошку — засветилось. Вторую. И так бросал и смотрел, пока старшина не увидел и не отругал.

— Ты что, салага, картошку тратишь!

Якорь в клюзе — боцман на пузе.

Рассказ. Курил ночью, на свет летело много птиц. Они ударялись о надстройки, мачты, садились на палубу. Всё усадили. Утром отдохнули, стали

улетать. А тех, что вымокли и летать не могли — молодых, матросы сушили над плитой и отпускали. Набрали целый ящик молоди и вынесли на остров.

Рассказ. Неподалеку были киты — хорошо видно. Нерпы выглядывали. Каланов видели, отдыхают на спине, сложив лапки.

На одном из островов на птичьем базаре набрали яиц кайр — несколько корзин. В четыре раза больше куриных. Лишь белок более плотный, твердый, когда сварится. На острове были старые японские окопы.

— А помнишь, как корзины с яйцами по окопам тащили?

У нарушителей японских рыбаков отбирают сети и конфискуют суда. В сетях — рыба, крабы. Крабы еще в капроновых ловушках. Две клешни съешь — и сыт.

Весь день туман. Прошли залив Ольги. Берега не видно, хотя он в 15 км. Ветерок небольшой, то совсем стихнет, то сильный. И туман, то подойдет почти к борту, то откроется большой круг вокруг корабля. Вахтенный на мостике. В куртке с капюшоном. Усики. Парень из Калининграда. Говорит, что сейчас на море три балла — барашки на волне. Здесь тихо, как выйдем в океан, все время будет волна — зыбь, «океан дышит».

Замполит Иван Васильевич Зайцев в конце своей вахты проверял судно на радиоактивность. Ходил по палубе с радиометром. Говорит на одном судне несколько лет назад выпал дождь без облаков. Механик вышел из машины, постоял под дождем, и матрос пробежался. Через два года оба умерли — радиационная болезнь.

Вечером, после обильнейшего чая, состоящего из молока и булок, в честь праздника игра в шахматы в кают-компании. Иван Васильевич с Петром Николаевичем. Судья — Геннадий Гаврилович, помощник судьи — боцман. Больше смеху, чем игры. Пришел матрос, включился в комментарий. Вдруг гудки. Геннадий Гаврилович начал завинчивать иллюминаторы — так гудят в туман, так что не было сыро. Все закрыли, накурили, опять раскрыли.

За день посмотрели два фильма. Кино в столовой, днем — все задраено так, что к середине фильма дышать нечем — перерыв. Все выходят на палубу и иллюминаторы открывают. В 21.30 начался третий сеанс для тех, кто стояли на вахте во второй сеанс. После починки в Находке все работает хорошо: и рули, и

локатор, и радиостанция. К утру придем к мысу Белкина и повернем к проливу Лаперуза. Там сулят интересное.

31 июля

С утра дождь, но горизонт открыт. Море серо-синее.

Иван Васильевич: привез домой картошки с Камчатки. Большие клубни. Жена обрадовалась — побережем на «потом». А на Камчатке выращивают картошку в вулканической земле — она как зола. Месяца через два стали эту картошку чистить, разрезали, а она внутри черная. Долго не хранится.

Японские рыбаки часто воруют рыбу в наших водах. У них появились радиобуи. Небольшие. Корпус под водой, а на виду только тонкая антенна. Ставят его у сетей и уходят. Найти его нашим судам очень трудно — локатор не берет, за волной не видно. А они через определенное время пеленгуют буй и подходят. Живут рыбаки японские скучно. Вместо хлеба рис. Есть на судне мешок. Ведро морской воды — разварят кое-чем и едят. Треска здесь заражена червем, но и ее едят. Акулы здесь есть маленькие, метровые, и их едят. Но все суда, даже маленькие шхуны снабжены радиопеленгатором и радиостанцией.

Вулкан «Тятя» — конус, в нем сероводородное озеро, а среди озера второй конус. Иван Васильевич ходил до озера. Ничего не растет там. Озеро горячее. На островах когда жил — в хижине японской, которые строят для рыбаков предприниматели. Досочки, между ними — засыпка, в центре чугунная круглая печка. Пока топишь — тепло. Всю ночь дежурили по очереди с женой у печки.

Сейчас, с утра, пересекаем Татарский пролив. Туманно, дождь. Говорят, если погода улучшится, будет видно Японию по правому борту.

Вчера днем, на корме собрались матросы — двое играли в шахматы, остальные смотрели. Сидят на ящиках для швабр и прочего, оббитых сверху клеенкой.

Иван Иваныч, в белой поварской куртке, управившийся с коровами, курил. Вспоминал Кубань, откуда уехал два года назад. Жена захотела поглядеть Дальний Восток. И сорвались с детьми. А там — дом, сад, корова. За всем ходит теща. Здесь климат суровый. На Кубани лучше — надо возвращаться.

Около 12 дня зашел в рубку. Геннадий Гаврилович предложил посмотреть в радиолокатор. Там видны вершины японских островов Ребун и Рисири. Идем по прямой: от мыса Белкина к проливу Лаперуза.

Море здесь темно-синее, а на срезе волны у борта голубое. Южнее, в Японском море, оно было сероватое и зеленое у борта.

Луньков подарил мне свой набросок пастелью острова Матуа на рассвете. Я ему — «Калитку в синеву».

Народные приметы: если чайка села в воду, жди хорошую погоду, чайка ходит по песку — моряку сулит тоску. Солнце красно к вечеру — нам бояться нечего, солнце красно поутру — моряку не поутру.

Молодой матрос наверху стоял на вахте и увидел по курсу стадо моржей. Докладывает — звери идут на корабль!

В проливе Лаперуза радиометрист увидел в локаторе какой-то предмет. Вышел на мостик проверить и доложил: — Вижу подводную лодку!

Это была скала, камень опасности. Радиометрист — парень с воспаленными веками, стриженный.

Близко земля. Появились птицы. Глупыш — с утку, серо-черный, пара села недалеко от судна. Четыре мелкие пичуги, вроде ласточек и ворон.

16.00 вошли в пролив Лаперуза. Дождь, туман у самой воды. Небо серое, потом полоса белого тумана и ниже — вода. Мыс Криньон виден слева. Он тоже в полосе тумана и кажется, будто около мыса еще остров. Мимо вдаль прошли два судна.

Вахтенный матрос, с которым я стоял на мостике под дождем, сказал, что в Лаперуза, когда ясно, рядом с кораблем играют дельфины всегда. Целое стадо и ходят парами. Прыгают, совсем рядом.

Море стало зеленоватым, серым. Нет той сочной синевы, что была недавно у Татарского пролива.

16.40 сплошной туман, обступил судно. Даже нос уже в тумане видится. Абсолютный штиль — вода как гладкое стекло. Матрос говорит, что если было бы ясно, нас здесь помотало бы.

Боцман: за всю службу первый раз иду в Лаперуза — и штиль. Всегда здесь мотает. Если и тихо, все равно волна идет через пролив.

По курсу попадаются огромные стаи птиц — черных, как утки видом — нырки, глупыши — издали, будто островок на воде. Подходим — они улетают. Плавают много водорослей и в этих местах с моря ветерок с запахом реки. А до этого — соленый морской воздух. Море зеленое. Небо немного разрядилось, нет сплошной пелены.

Боцман сожалеет, что так все затянуло, и я не увидел Хоккайдо справа.

18.20 вечер, а по бортам часто утки — чернеют головы или летят низко над водой, едва не касаясь крыльями поверхности.

Луньков говорит, что японцы приучают бакланов ловить рыбу. Привязывают их и пускают в воду. Те в клюве приносят рыбу.

Время по сравнению с Москвой здесь вперед на 8 часов, на час больше, чем во Владивостоке. В 20.30 по местному вдали по левому борту показался мыс Анива. Едва виднеется в вечернем тумане. На небе появились даже синие окна. Ветерок, рябь, ничего не осталось от штиля.

Боцман на верхнем мостике.

— На острове нормальная погода...

Поет. И тут же: — Эх, и не любит эту песню наш капитан. Говорит — шарманка, подобраны слова, да и все. Вот на Сикотане студенты сочинили песню — это да! Хорошая песня!

Вахтенный матрос: теперь не говорят Сикотан, говорят Шикотан. Это раньше было Сикотан.

Боцман: одно и то же, это по-японски.

1 августа

0.30 местного. Туманная тьма над Охотничьим морем. Идем к острову Итуруп. Матрос Дохматский (смотрел фильм) в перерыве указал за борт. Там мелькнуло несколько ярких огоньков — в воде у самой обшивки. Пригляделся — огоньков все больше. Некоторые — поодаль от борта, в черной воде вспыхивают почти ослепительным зеленым светом и долго плывут в стороне, пока не скроются из глаз — горят. отошел к корме — там фантастика. Пена клубится и светится голубоватым пламенем, словно под кормой стоит голубой фонарь. Пена как млечный путь — объемно клубится в глубине и в ее свечении, ровном и голубом загораются мириады звезд. Все это движется и уплывает вдаль от корабля. В светящихся облаках — звезды. Это густое свечение за кормой, а по бортам вспыхивают и уплывают звездочки, как чьи-то глаза, как зеленые бакены, без смысла разбросанные в море.

Это чудо Охотского моря. Я впервые такое вижу и сравнимо это лишь со зрелищем звездного неба. Из-за этого стоило ехать сюда. Удивительная природа. Таинство ее огня прочеркивается по жизни и только для этого стоит жить.

7.00 солнце ярко — в иллюминаторах. Небольшая волна. Море серое. На горизонте полоса тумана.

7.25 солнце пропало. Туман. Волны все больше. Иногда захлестывают на палубу. Море совсем серое, лишь в пене немного прозелени. Серое и белое. Немного не по себе — легкие признаки морской болезни.

Луньков. Привезли бревна на Итуруп. При разгрузке, в шторм, матросу раздробило ногу. Повезли в Куйбышево — в залив. Скорость — два узла, навстречу ветер и судно идет назад.

Оттуда матроса переправили в Южно-Курильск. Три раза ломали срастающуюся ногу. Он убежал в Корсаков, без документов. Патруль задержал — там его вылечили.

Волна средняя, но качает прилично. Коровы лежат. Люди, кажется, тоже. Никого нет в коридорах и в кухне. Только вахтенный на мостике, капитан в штурманской рубке, да рулевой. Капитан говорит: — Это волнение — результат тайфуна «Элен», который сейчас на юге.

8.40 ветер свистит. На волнах барашки. Чувствую себя неважно. Не думал, что так буду переносить. А шторм усиливается. Хотя, Луньков говорил, что в пять утра был сильнее.

10.30 солнце, ветер. Синее море. Впереди — Итуруп. Издали кажется, что там несколько островов с острыми вершинами, но это вершины на одном Итурупе. Они разделены равнинами и издали кажется — несколько островов. Справа довольно хорошо видны два вулкана «Кунашира-Тятя» — с внутренней вершиной и «Докучаева» — конус. Потом они долго виднеются вдаль. Неподалеку прыгают дельфины, выпрыгивают из воды. День очень ясный, синий. Море синее, а вблизи зеленое. Все ближе Итуруп. Идем к бухте. Возле города Курильска низменный зеленый берег, заросший травой и деревьями, либо кустарником — не разобрать, а на мысу огромная гора, видно, потухший вулкан, заросший лесом. На вершине издали будто снег, а подошли — это размытые породы. Они розово-желтые, яркие. В БМТ-110 (20-кратный бинокль на станке) видны осыпи, камни. Там жуткая пустыня, а вокруг — леса. В кратере почему-то эрозия так разошлась. А внизу, у

воды скалы и откосы. В одной бухточке стоит скала Разбойник — сильно выветрена.

Курильск с воды — несколько домиков. Говорят, он уходит вглубь острова по долине реки, поэтому его плохо видно. Но то, что видно, на город не похоже.

19.00 все еще идем мимо Итурупа. В бинокль видел двух китов. Говорят, касатки. Коричневато-черные. Играли в заливе. Огромные хвосты и небольшие туловища. Выпрыгивали из воды много раз и проносились по поверхности. Изящные животные. А рядом — огромная стая бакланов — черных птиц с длинной шеей. Киты почти подходят к ним, и бакланы срываются, кишат над водой. Неистовство живой плоти на водах.

Ужинал. Геннадий Гаврилович сбежал из рубки и сказал мне, что рядом ластоногие играют. Выскочил на мостик — совсем рядом — то ли нерпы, то ли тюлени играют, кувыркаются в воде. И птицы рядом. И пустая бочка плавает.

20.00 подошли к северной оконечности Итурупа. Вечер. Буйство синих красок.

20.15 сразу врезались в туман. Все краски стерло разом. Я ждал заката, чтоб снять остров в красном свете, а тут все исчезло. Завыл ревун. Некоторое время сверху еще было синее небо, а потом и его затянуло. На мостике с прожекторов антенны ветер начал срывать матовые шарики воды. Сначала немного, потом шарики полетели как из пулемета.

Вдруг сквозь туман проглянуло солнце и все окрасилось в ярко-желтый цвет. Желтый туман, желтое море и солнце — желтым пятном. Едва я взялся за аппарат — все исчезло в серой мгле. Здесь нужно краски ловить, как баклан рыбу — сразу и целиком. Ловить любое мгновенье.

Начался ветер, покачивает, хотя волна, вроде, небольшая.

Боцман говорит, что есть три категории людей и морской болезни: те, кто травит, те, у кого болит голова и те, кто во время качки непрерывно жует и хочет есть. Матросы набивают сухарями карманы и едят непрерывно, пока качает.

20.40 длинный звонок в коридоре. Вбежал матрос. — Задрать! — Начали завинчивать иллюминатор. Началась бортовая качка.

Луньков за всю свою службу проплыл около 160 тыс. миль, т. е. более 330 тыс. км — почти до Луны.

Женился на девушке, которую знал всего 30 минут. Познакомился на пляже на Рижском взморье. Сыграли в волейбол, позагорали. Обменялись адресами. Он уехал во Владивосток. Несколько писем. Потом выслал ей вызов, как жене. В кадрах сомневался некто, кто давал вызов — приедет, а жить не будете. Живут уже

11 лет. После ее приезда перевели его в Петропавловск-Камчатский. Погрузили семьи на боевые корабли и увезли. Прожили там четыре года. У нее должен быть ребенок.

Посадил в самолет — в Ригу. Через полтора месяца родила, он ушел в плавание на четыре месяца. Она одна. Мать и родственники сетуют — без мужа и т. д. Он приехал, когда сыну было уже три месяца.

22.45 опять фантастика свечения воды. Звездная ночь совсем тихое море. От носа корабля расходятся светящиеся волны, и дальше идет полоса светящейся воды, а за кормой — млечный путь, который сливается со звездным небом. Сегодня свечение иное. Вчера главный эффект был от вспышек зеленого света. Сегодня вспышки мелкие и их немного — светится ровным зеленоватым очень ярким светом сама вода. Она клубится под днищем, по бортам, иногда поодаль, на черном фоне вдруг загораются ярко-зеленые фосфорные полосы. Это ровное клубящееся свечение так сильно, что хочется отыскать по бортам фонари, которых нет. По светящейся полосе иногда проплывают черными силуэтами ленты морской капусты, водоросли, мусор. Кок вышел из камбуза и вылил за корму в бриллиантовую струю свечения ведро помоев...

А звезды яркие, неподвижные и перекликаются с клубами зеленого света.

Сегодня вечером была химическая тревога — учебная. Рулевой стоял в защитном костюме и противогазе. Жуткая фигура. Иван Васильевич сказал — пусти такого по улице города — будут шарахаться.

По палубе разматывали шланги, лили воду, «тушили пожар».

Потом, после отбоя, рулевой стал раздеваться. Неуклюже, руками в резиновых перчатках расстегнул куртку, снял ее, снял маску, потом брюки. Сложил и матрос все отнес вниз, а рулевой встал к штурвалу.

Вечерний час в кают-компании. Штурман и замполит играют в шахматы. Геннадий Гаврилович и Бочкарев с боцманов комментируют столь усердно и активно, что не ясно, кто же играет. Геннадий Гаврилович очень остроумно комментирует. Он чем-то похож на Кирилла, в привычке говорить в интонациях.

Захотел сфотографировать свечение. Пока ходил за аппаратом, небо скрылось, звезд нет — туман, изморось. Открыл затвор — туман сгустился совсем. Сейчас идем в тумане.

Здесь, между островами Итуруп и Уруп пролив Фриза. Ветер с океана прорывается и туманы. А за островом идти лучше. Особенно опасно идти через пролив после шторма в океане и Охотском море. Тогда две волны встречных идут и встречаются в проливе Фриза. Корабль, оказавшийся между волн, сдавливает с двух сторон и заливают.

2 августа

С утра снова туман и качает на мертвой зыби. Но сегодня пока что морской болезни не чувствую. Мимо непрерывно летят птицы. Поодиночке. Перед носом или сидят рядом на воде в тумане.

Встал в семь утра по-местному. В рубке:

— Товарищ капитан 3го ранга, радар «Зарница» выключен, радар «Дон» включен.

Перед этим замполиту, который прокладывает курс, повар принес на пробу четверть буханки горячего хлеба, только что выпеченного. Попробовали. Хлеб душистый, пышный. Разрешил раздавать команде. Радиометрист пошутил — давай нам на пробу, мы с юнгой отпробуем. Замполит отложил кусочек, и мне. А остальное — отдал радиометристу.

За ночь прошли мимо острова Уруп, миновали пролив Уруп — было сильное течение и сильно болтало. Прошли между островами Броутона и островами Черные Братья. Ничего не было видно в тумане. Сейчас пересекаем пролив Буссоль.

В иллюминатор вижу, как матрос в тельнике и беретке сбегал по качающейся палубе к коровнику и уже тащит оттуда эмалированное ведро молока.

Разредились облака и за длинной полосой тумана, разрезавшего его вдоль, появился остров Симушир. Сверху тоже полоса тумана — отрезала вершины гор. В одном месте под горой даже проем до синего неба, но все остальное серо, хотя остров зеленый, с лесами, с молодыми речками, еще не вымывшими себе долин — водопады, крутые смывы берега. Большая речка уже с долиной, но и она круто уходит в горы. Геннадий Гаврилович рассказал, что на севере Симушира очень интересная бухта Броутона. Войти в нее можно лишь на шлюпке. Но там, в бухте чувствуется жуткая глубина. Отвесные берега, скалы и глубина — 247 м, а при входе даже шлюпка может сесть на мель.

Утром занятия гимнастикой. Матросы с гантелями. Бочкарев на брусках.

12.00 пересекаем пролив Дианы между Симуширом и Кетоем.

Луньков: вход в бухту Броутона через плиту. Высота воды 2 м или меньше. Течение то в нее, то из нее. Трудно войти. Корабль стоит правее от входа. Связь с ним на УКВ, но только зайдет шлюпка за скалу справа (квадратная скала), как связь обрывается — экран. В бухте сохранились еще остатки ворот — там японцы разводили каланов.

Покачивает на волне в проливе Дианы. Как выходим из-за острова — сразу чувствуется дыхание океана.

По курсу, весь в тумане и облаках виднеется Кетой. Чувствуется, что это огромная гора. Видно лишь часть основания, а вся она — в облаках. Да с океана туман ползет. Сквозь него Кетой мерещится.

12.20 Кетой не видать и ничего не видать — туман и холодный ветер с пролива. Температура +8. Сразу так похолодало. Море серое.

— Отнеси в кондейку (кладовку)

Кранцы — бачки с закручивающимися крышками — на палубе у кондейки.

Тайфун «Элен» идет на Хоккайдо. Радиус 300 миль — сообщение синоптиков. Говорят, что мы уходим от этого тайфуна.

Сегодня свечение моря почти нет. Лишь за кормой мелькают искорки, а по бортам — ничего. Да и за кормой нужно присматриваться, чтоб увидеть легкое облачко. А ведь вчера море горело. Видно, север начинается. Идем в сплошном тумане. Ни Кетоя, ни Расшуа, ни Матуа не видели совсем, хотя прошли рядом.

Боцман. В Эгвекинот зашли взять копальхен для собак одной заставы. На заставе держали двух наюров — чукчей и несколько упряжек собак. Боцмана отговаривали везти, но он решил помочь заставе. Поехали в поселок. Им указали, где копальхен. Подошли, а там уж стоят сани с ящиком и трактор у ямы. Копальхен: туши моржей разрубают на куски, в каждом килограмм по 50, слегка обветривают их и складывают в яму, которую засыпают землей. Боцман подошел к яме, когда ее открывали. Открыли, и ударил такой запах, что он едва не задохнулся. Стали вынимать мясо. Старый чукча отрезал кусок длинный и съел. Погрузили. Собаки кишат — отгоняют их. Ехать через речку. А боцман в ботинках. Встал на передок саней. Доехали до середины речки — не выдержал запаха, пошел по воде. Привезли к кораблю, матросы отказались грузить. Кое-как погрузили, но рукавицы побросали за борт. Разгружали солдаты с заставы. Потом мыли палубу с содой, и все равно пахло этим мясом.

Идет второй сеанс для вахты, которая не видела предыдущий: «Повесть о первой любви». Качает слегка. И сначала нелепо видеть в Охотском море деланный рассказ о любви, где все выдуманно, а потом, когда сживаешься с городской жизнью на экране, странно выйти в ходовую рубку и узнать, что позади тайфун «Элен», а впереди скоро Камчатка.

Боцман рассказал, как на маленьком суденышке попали в тайфун. На волне винт выходит на воздух, а потом зарывается в воду и перестает работать двигатель от перегрузки. У западного берега Камчатки бухт нет — плоские берега. Они в центре тайфуна. Средь «ясна» дня все почернело. Трещит все, и вдруг, встал двигатель. Тишина, лишь море ревет и трещит корпус. Вода заливает всюду. Капитан уперся руками в потолок рубки и стоит. Кое-как удалось пережить. Многие поседели. Боцман удивляется — сейчас страшно вспомнить, а тогда не было страха.